КРИСТИНА БЕРИМСКАЯ

Жертвы пороков или 13 смертных грехов

18+

Кристина Беримская

Жертвы пороков или 13 смертных грехов

«Автор»
2026

Беримская К.

Жертвы пороков или 13 смертных грехов / К. Беримская — «Автор», 2026

Эта небольшая история посвящается маленьким и уже повзрослевшим детям. Своего рода ода добру и людям, в чьих небольших телах бережно хранима огромная душа. Но так как слово «свет» утратит свою значимость без противопоставленного ему слова «тьма», то и ода добру без упоминаний зла невозможна. Таков баланс высших сил, без которого смысл попросту утратится. Наша задача — не дать одной чаше весов перевесить другую. Смысл жизни человека — сохранить в себе Человечность. В этой книге речь пойдёт о маленькой девочке с огромной душой — Ангелине, празднующей своё семилетие. Вот только отметить её шаг во взрослую жизнь явились гости, которых на порог пускать даже не хочется. Война, Чревоугодие, Лжеучение, Невежество и другие, побывавшие в гостях у каждого. Их задача — полюбиться именинникам, заставить себя слушать. Они уверены, что в каждом доме их ждут. Но Ангелина, это маленькое хрупкое создание, попытается сохранить свою крепкую веру в стойкость человеческой души вопреки мировому стереотипу.

© Беримская К., 2026
© Автор, 2026

Кристина Беримская
Жертвы пороков или 13 смертных грехов

Я, как художник, этим произведением призываю оглянуться вокруг, услышать и узреть те горести и ужасы, которые испытывают дети сегодня. И, пока не поздно, здравомыслящим и честным людям надо задуматься.

Михаил Шемякин, о скульптуре «Дети — жертвы пороков взрослых»

Глава 1

Встреча с чёртовой дюжиной

Некогда в городе К..., в роскошном золотисто-белом особняке, на себя в двухметровое громоздкое овальное зеркало, окаймлённое золотым багетом с рельефным орнаментом в виде кленовых листьев и лоз винограда, смотрела голубоглазая девочка с румяными круглыми щёчками, тонкими розовыми губками и слегка оттопыренными ушами. За них были заправлены распущенные, густые, вьющиеся светло-каштановые волосы, которые девочка бережно расчёсывала всего десять минут назад. Она была плотного телосложения, какое обычно бывает у круглолицых детишек, коротенькие полные ручонки, а белые ладошки, не знающие, что такое мозоли, вызывали только чувство умиления. Но при этом у девчушки были длинные ножки с розоватыми гладкими коленями, которые выглядывали из-под прекраснейшего голубого платья со светло-небесными рюшками на подоле и с кружевной белой каймой на краях коротких рукавов, с белоснежным воротничком с острыми углами.

Удивлённые большие глаза с лёгким волнением посматривали на своё отражение из-под длинных ресниц. Короткие пальчики с бело-розоватыми, аккуратно подстриженными ноготками теребили рюшу платья. Покатый лоб, спрятанный за прядками волос, покрылся задумчивыми морщинками.

Мрачную комнату освещали только длинные свечи в настенных увесистых золотых канделябрах по обе стороны от зеркала. Девочка то и дело бросала короткие взгляды на подрагивающее пламя. Однажды дворецкий случайно поджёг шторы в гостиной, пламя с трудом удалось потушить. После того случая девочка дворецкого больше не видела.

Малышку удивлял тот факт, что вода может потушить огонь. Второй ей казался куда сильнее, пока она не вычитала в своей детской энциклопедии, что вода может точить под себя горы. Огонь скоротечен, вспыхивает так же быстро, как и потухает, а вот вода долговечна, океан за раз не исчерпать. Малышка вынесла для себя вердикт, что пламя импульсивно, поэтому проигрывает мудрости водной стихии.

Стены, оклеенные тёмными обоями в бурых цветках, зловеще окружали, через зеркало казалось, что они медленно сжимаются. Это была мамина комната, но она не внушала девочке доверия, как-то здесь было мрачно, душно, неуютно, но зато «по последнему писку моды». Что-то чужое, без вложенной души. Маму же малышка обожала до безумия, как любой другой ребёнок не видит смысла жизни без своего драгоценного наставника.

- Ангелина!

От резкого и нетерпеливого стука в дверь девочку всю передёрнуло. Она поспешно к ней подбежала и распахнула, но каким-то образом не смогла вовремя отпустить дверную ручку. Ангелина потеряла равновесие, смешно вскинула ногу и приземлилась на пятую точку. Сначала девочка растерялась от испуга и неожиданности, но уже через пару секунд переосмыслила ситуацию и звонко рассмеялась над комичностью произошедшего, вскинув глаза на маму и ожидая от неё поддержки. И тут же осеклась и пристыженно опустила большие глаза, спрятав их под длинными ресницами, ведь мама смотрела хмуро и недовольно:

- Помнёшь такое платье! Смотри мне, чтобы к концу дня ни единого пятнышка и складки, не зря же я столько его утюжила!

«Разве не для того, чтобы я хорошо провела свой день рождения?».

- Извини, мамуль…

- Ладно, все мы, будучи детьми, шалили, - вздохнула худенькая и маленькая женщина с тревожно бегающими и ни на чём конкретно не задерживающимися глазами, сухими жилистыми руками и редкими ломкими светлыми волосами.

- Я никогда не видела, чтобы взрослые шалили… Почему? - негромко поинтересовалась девчушка, поднимаясь и поправляя переехавшее платье.

- Почему?.. Потому что мы вынужденно повзрослевшие дети.

Ангелина смысл ответа не поняла, но решила промолчать, чтобы не злить и так напряжённую маму. Она так переживала перед приходом гостей, которым разослала письма с приглашением на прошлой неделе.

Девочка никогда раньше этих гостей не видела, мама сказала, что они приходят только на семилетие и ни на год раньше. Почему? Мама опять не ответила, только пожала плечами и обронила: «Принципы».

Каждый праздник в первую половину дня мама носилась из комнаты в комнату, особенно часто забегала на кухню. В первую половину праздника веселиться было запрещено, ведь мама уставала, нервничала, прикрикивала, если что-то выбивалось из её стройного ряда идеального торжества. Только во вторую половину она разрешала праздновать, правда взгляд у неё уже был потухший, а от усталости она долго не засиживалась и уходила к себе в комнату. Делала она это ради Ангелины и гостей, чтобы всё было идеально, вот только самой Ангелине идеальный праздник без мамы был не нужен. Но когда девочка попыталась осторожно ей об этом сказать, мама от неё отмахнулась, вскрикнув: «Где же это видано?! Я хозяйка, не могу же я выглядеть в глазах гостей небрежной и безответственной неряхой!».

Но сегодня был ЕЁ день, день Ангелины! Прекрасной, миловидной девочки с огромной милосердной душой и нежным сердцем. Поэтому она планировала играть и веселиться и в первую половину дня, ибо сегодня ей это спускали с рук.

Девочка обернулась через плечо, взглянув на своё отражение в зеркале. На неё смотрели жизнерадостные глаза, а пропитанное светлыми чувствами детское личико приветливо и с неисчерпаемым энтузиазмом ей улыбалось.

Ангелина выскочила из комнаты и захлопнула за собой дверь, помчавшись вниз по лестнице в зал. Вдоль стен громадной комнаты стояли широкие, тёмно-зелёного цвета диваны. Рядом с некоторыми из них громоздились тяжёлые кресла, которые Ангелина никак не могла сдвинуть, чтобы соорудить себе шалаш.

В середине зала красовался длинный и широкий стол из массива дуба, который чудом удерживали четыре закруглённые на конце ножки. Ангелина с ужасом вспоминала, как этот стол вносили им в дом, казалось, что стены содрогаются, а пол вот-вот треснет. Мама как-то ударила Ангелину по руке, когда та случайно поцарапала отполированную столешницу отвёрткой, которую взяла, чтобы смастерить модельку паровоза: «Мелкая зараза, ты знаешь, сколько этот стол стоит?! Кто тебе вообще разрешал брать в руки отвёртку?! Девочкам подобное умение ни к чему, у них всегда получается хуже, чем у мужчин, вот и не берись, сама видишь, к чему привела данная импровизация!».

Ангелина, конечно, извинилась, но всё равно в недоумении пролепетала, что мама сама ей говорила, что нельзя бросать начатое, как же тогда она научится, если ей даже не дают попробовать? Мама сочла это за дерзость и влепила дочке по затылку. Девочка не любила, когда мама называла её «заразой», ей было очень неприятно и больно подобное слышать, это визгливое слово никак с ней не вязалось. При этом она прекрасно помнила момент из прошлого, когда какой-то дядя назвал маму очень плохим словом, после чего мама сильно на него

рассердилась, обиделась и выгнала, причитая дочке перед сном: «Какая только дура воспитала этого сквернословного хама?! Никакого уважения к окружающим!».

Но маме прощалось всё, Ангелина никогда не держала на неё обиду, ибо знала, что та её любит всем сердцем. А любовь прощает всё и всегда. Наверное.

Да и зачем вообще нужен такой дорогой и тяжёлый стол? Чтобы он не сломался под количеством яств?

Ангелина круглыми глазами смотрела на постепенно заполняющие пустое пространство изысканные блюда. Она знала, что гости столько не съедят, после каждого праздника оставалась куча еды, которая отправлялась на помойку. Ангелина с грустью наблюдала за этим процессом, мысленно извиняясь перед кроликом, которого зазря пришлось пристрелить, и перед яблоней, которая напрасно столько времени бережно выращивала свои сочные и наливные плоды.

Но стол должен был «ломиться» под количеством вкусностей, так, опять же, сказала мама. Чтобы гости не подумали, что хозяева бедствуют или жадничают. Ангелина и этого не понимала, но с мамой никогда не спорила, так как знала, что понятного для себя ответа всё равно не услышит. Она ведь ещё маленькая…

Девочка радостно взвизгнула и понеслась лавировать между диванами и подныривать под стол, воображая, что она находится в пещере.

- Ой, чёртова махина! - вдруг вскрикнула одна из домработниц, стукнувшись ногой о ножку дубового стола.

Ангелина замерла и даже затаила дыхание. В следующую секунду раздался удар кулаком по столешнице, после чего домработница круто развернулась и умчалась обратно на кухню. Ангелина выдохнула, вновь улыбнулась и побежала вперёд полусогнувшись, наклоняясь корпусом в стороны, изображая самолёт. Когда она выскочила из «пещеры», то рано разогнулась, с глухим стуком ударившись головой о край. Сморщившись и с болезненным видом потерев ушибленное место, она покосилась на стол, вспомнила, как его ударила домработница, испытала чувство жалости к бездушному предмету, пожала плечами и примирительно сказала:

- Не беспокойся, это я виновата, что рано выпрямилась. Я на тебя не сержусь.

Ангелина побежала исследовать остальные комнаты, которые украсили к празднику, не забывая то и дело восторженно восклицать и звонко хохотать. Она всё время крутилась под ногами у взрослых, но они её не ругали, ибо сегодня был её день. Завтра за такую «выходку» ей бы точно влетело.

Вдруг слуги зашумели громче обычного, уже не просто быстро шагали, а бегали. Напряжение ощутимо повисло в воздухе. Всё это означало, что приближались гости.

Ангелина с интересом задумалась о новых гостях, которые приходили только на семилетие.

Раздался радостный голос мамы, хотя за несколько минут до этого она истерично кричала о том, что ничего не успевает:

- Ангелина, иди сюда скорее!

Почему-то первая мысль возникла - спрятаться в шкаф. Почему она должна праздновать СВОЙ день с теми людьми, которых даже не видела? Но зла в девочке не было ни капли, а мысль спрятаться удивила и пристыдила. Предчувствие ли это было?.. Кто знает.

Девочка заставила себя натянуть на лицо счастливую улыбку и помчалась обратно в зал с грязно-бежевыми в тёмно-зелёную полоску обоями и начисто вымытым паркетом, который теперь аж блестел под ярким светом огромной хрустальной люстры. На ней горели тысячи свечей, пламя отражалось в хрустале, заставляя его полыхать и переливаться миллионами искр. Ангелина любила долго-долго смотреть на своё личное солнце, а потом закрывала глаза и наблюдала за световым представлением на фоне бесконечной тьмы. В глазах вспыхивали разноцветные искры, они взрывались и рассыпались, пульсировали и разбегались волнами.

Ангелина с разбега врезалась в объятия мамы, крепко схватив её за ногу и устремив заинтересованный взгляд на распахнутые двери. Сердце подскочило и упало в задрожавшие ноги. Зрачки в ужасе расширились, тревога скрутила живот.

Из светлой прихожей к ним величественно вышагивала толпа страшных уродов.

Её возглавлял высокий мужчина в чёрных сапогах до колена с блестящими острыми шпорами. Кожаные узкие штаны, а сверху латы - их устрашающий звон эхом проносился по залу и бил по самому сердцу. По локоть были натянуты бурые перчатки из грубой кожи, которая давно уже потрескалась. За его спиной, словно крылья смерти, торчали два острых, зловеще изогнутых лезвия длиной чуть ниже колена своего носителя. Лицо его, вытянутое, с острым, выдающимся вперёд подбородком, с орлиным носом и широкими ноздрями, с надменным и тяжёлым, придавливающим к земле взглядом, было изувечено огромным количеством безобразных шрамов. Некоторые, ярко-бордовые, казалось, были совсем свежими. Один глаз был покрыт белёсой пеленой, а второй, с чёрным-чёрным зрачком, отливал кровавым оттенком. В левой руке гость держал очень странную игрушку: основная её часть была полностью сделана из металла, объёмной и вытянутой овальной формы, к концу которой была прикреплена болтающаяся голова миловидной куклы с золотистыми локонами. Правда выражение лица у неё было жуткое, его перекосило ужасом надвигающейся опасности. В правой руке устрашающий человек держал поводок, на котором вёл карлика. Выглядел он нормально, но вот его хитрющие, впивающиеся в душу глаза сильно отталкивали. Он был похож на конферансье, которых Ангелина видела в театрах: с длинным цилиндром на голове и с аскотом кровавого цвета на шее, одет карлик был в изысканный чёрный фрак с очень длинными фалдами и белый жилет, плотно прилегающий к телу и застёгнутый на все золотые пуговицы.

Следом за пугающей парочкой стройной линией вышагивали с весёлыми улыбками четверо.

Самый крайний левый выглядел так, будто с трудом натянул улыбку на лицо, а снять уже не может. Его лицо с впалыми щеками и огромными глазищами с жутко расширенными тёмными зрачками, которые беспокойно озирались кругом с молниеносной скоростью, носило сухую морщинистую бледную кожу. Глаза были окружены фиолетовыми пятнами, мешки под ними свисали, как у столетнего старика. А оголённые руки были покрыты тошнотворными пятнышками и впадинками, которые обычно остаются после уколов. Одет мужчина в возрасте приблизительно двадцати шести лет был очень неопрятно: грязная футболка с надписью «жизнь есть удовольствие» покрыта дырками, убитые жизнью штаны полностью в пятнах, от обуви осталось только одно название. Что одежда? На голове красовались плеши, которые ломкие и жидкие короткие волосы уже не прикрывали, а под ногтями на руках скопилось столько грязи вперемешку с чем-то красным, что жутко было смотреть. В руках он держал потрёпанный небольшой чемоданчик, который боязливо прижимал к себе.

Рядом с ним с довольной лыбой до ушей широко вышагивал дяденька с огромным круглым пузом, будто у беременной женщины. Из-под обляпанной розовой рубашки, которая на мужчине не сходилась, а только испытывала на стойкость пуговицы, торчал третий глаз — выпирающий пупок. Гость зачем-то надел пиджак, который никак не вязался с его образом, ведь вместо классических брюк он предпочёл джинсы. Да и пиджак был весь мятый и на вид такой старый, будто пылился в шкафу годами. В остальном дяденька выглядел нормально, правда его плавающий взгляд и расслабленная улыбка с кривыми жёлтыми зубами вызывали липкий страх внутри. В руках он держал открытую стеклянную бутылку и кухонный нож.

Этот толстый дяденька хохотал не то что с толстым, а прямо огромным, очень огромным толстяком! Тот неспешно переваливался с ноги на ногу, которые складками волнились под узкими штанами. Он был низкого роста, из-за этого выглядел ещё толще и шире, как комод или круглый шкаф. Мужчина был вообще без футболки, обнажив свои содрогающиеся телеса. Огромное свисающее пузо, дряблая грудь, которая лежала на животе, широченная и покры-

тая складками шея. Шесть подбородков противно дрыгались, когда толстый мужчина разговаривал. Пухлые слюнявые губы с трудом открывались, волнуя бордовые объёмные щёки. На лысой голове величественно красовался лавровый венок. В одной руке толстяк держал круглую бутыль с нарисованной на ней гроздью винограда, а во второй - до странности вытянутую золотую чашу, покрытую драгоценными камнями всех цветов радуги.

А вот рядом с ним тяжёлой поступью шло настоящее чудовище… На его вытянутом лице вместо носа восседал толстый и покрытый рубцами рог носорога. Длинная и широкая, будто сделанная из камня, выдающаяся вперёд шея. Маленькие пристальные глаза зло сверкали и с подозрением рассматривали предметы в зале. Широкий рот презрительно скривился. На мускулистое тело была накинута длинная серая рубаха, похожая на платье и подпоясанная не ремнём, а самой обыкновенной верёвкой, которая на конце болталась висельной петлёй. На верёвке жутко позвякивали ножи и крюки.

Следом за странной шестёркой кучкой столпились остальные гости. Только двое шли чуть в стороне, один что-то бурно доказывал второму.

Тот, кто доказывал, был стариком лет семидесяти. Ужасно горбатый и долговязый, с хитрым прищуром и слащавой дрожащей улыбкой. То и дело у него во рту поблёскивал золотой зуб. Одет старик был очень величаво, даже вычурно. На плечи накинута красная мантия, на голове красовалась квадратная академическая шапочка с золотой кисточкой, которая медленно и зловеще покачивалась из стороны в сторону, как маятник часов, чёрные лакированные туфли с острым мысом высокомерно постукивали каблуком. Весь его костюм сочетал что-то из королевского наряда и педагогической формы. В длинных сухих пальцах левой руки он держал толстую потрёпанную книгу с обгоревшими по краям страницами, на вид ей явно было несколько столетий. В правой же руке он крепко сжимал учительскую указку.

Тот, кто с интересом внимал странному старику, носил на человеческой шее ослиную голову. Она то и дело кивала, улыбалась дурацкой улыбкой и хлопала лишёнными интеллекта глазами. Длинные и широкие уши торчали колом, оборотясь к говорящему. Осёл носил изящный фрак, вот только под ним из штанов выбилась рубашка с пуговицами разных цветов и формы, одна пуговица на пузе вообще отсутствовала. Человекоподобное животное или, правильнее выразиться, животноподобный человек обуви не носил, копыта вышагивали криво и то и дело спотыкались. В волосатых руках он держал куклу-шута с такой же ослиной мордой. Яркий разноцветный колпак с тремя бубенцами то и дело громко позвякивал, но напряжённую обстановку этот звон не разряжал, наоборот, сливался с общей атмосферой и заставлял сердце тревожно колотиться.

Оставшиеся шестеро друг с другом не разговаривали. Среди них был невысокого роста мужчина с большими висячими ушами, которые будто устали и обмякли, решив отдохнуть. Его мрачный взгляд выражал полное безразличие к окружающему, руки были спрятаны в карманы. Он был одет просто и ничем больше конкретно не выделялся, разве что кожа имела сероватый оттенок.

Следующей в глаза бросилась странная парочка. Мужчина с грудью колесом и роскошными смольными завитыми локонами старался вести себя вальяжно, но внимательный и проницательный детский взор подметил, что у него это выходит с трудом: то и дело на лбу проступал пот, а глаза изредка, но нервно обводили собравшихся, после чего снова устремлялись в потолок. Острый нос с горбинкой был высоко вскинут, надменность ощущалась в каждом жесте гостя. Галстук-бабочка был очень сильно затянут, он наверняка мешал мужчине нормально дышать. Чистый, без единой складочки костюм. Но классический образ портили аляписто навешанные по всему телу драгоценности. Прямо на рукавах пиджака бренчали десятки браслетов. Все пальцы рук спрятаны за множеством колец с драгоценными камнями. Шея увешана подвесками и колье, из-за чего покрылась сине-фиолетовыми венами, мужчине явно было тяжело нести такую ношу, но он всё равно держал голову, не давая себе расслабиться.

Под руку с ним шла женщина с мордой жабы. Глуповатые, но пристальные глаза то и дело косили, перебегая с одного гостя на другого. Мокрые большие губы часто облизывал длинный язык. Гостья была одета очень вульгарно. Красное платье в обтяжку с длинным разрезом сбоку, который полностью оголял ногу, покрытую синяками. На ляжку был натянут гартер с малиновым бантиком и ножом, это «украшение» жаба и не пыталась скрыть. Пояс на талии был так сильно затянут, что женщина на самом деле стала похожа на песочные часы, хотя и так обладала очень хорошей фигурой. И без того большая, пышная грудь из-за этого казалась ещё объёмнее, как и пятая точка. На правой руке жаба носила меховые розовые наручники, но Ангелина заметила у них внутри острое лезвие, которое исцарапало руку от локтя до запястья.

На парочку зло и завистливо косился мужчина с неестественно выпученными огромными глазами, тоже похожими на жабьи или рыбьи. Левый глаз и искусанные в кровь губы всё время дёргались. Руки не знали, куда деться, поэтому хаотично бродили по всему телу, сжимаясь в кулаки и царапая ногтями кожу ладоней. Его костюм был абсолютной копией костюма мужчины, увешанного драгоценностями, но как раз единственное отличие заключалось в том, что первый хоть и носил украшения, но их было в десять раз меньше. Пара колец, три браслета и брошка в виде цветка, у которой выпал один драгоценный камень.

В самом конце плелись удручённые чем-то люди. Один из них еле тащился, ибо его ноги и руки были закованы в кандалы. За спиной он нёс огромный деревянный крест с надписью на нём: «не знаю, кто». В руках мужчина держал букет бледно-жёлтых увядающих ноготков. Гость всё время смотрел в пол, не смея поднять глаз. На его поясе висели три ключа, которые тоскливо позвякивали друг об друга.

Рядом с ним, сгорбившись и тоже опустив голову, хромая и опираясь на длинную палку, ковылял босой дедушка. Его ноги были покрыты мозолями и кое-где ободраны в кровь. Тощее тело (точнее сказать, обтянутый смуглой кожей скелет) было чисто символически прикрыто тонкой ободранной тканью. Грязные светлые волосы убраны в небрежный хвост. В его правую руку была вделана медная монета. На груди, на самой обыкновенной верёвке он носил православный крест.

Ангелину колотило от ужаса. Таких гостей она видела впервые, да и вообще лучше не видела бы никогда! Девочка вцепилась в мамину ногу, не желая отпускать, но единственное спасение похлопало дочку по спине и шепнуло:

- Доченька, не прижимайся так, это невежливо, надо поздороваться с гостями.

- Я не хочу… - прошептала в ответ Ангелина, на глаза уже наворачивались слёзы, а чудовища подходили всё ближе и ближе, и их жуткие, совершенно разные взоры вонзились именно в неё.

- Господи, мы испугали бедную девчушку! - воскликнула громким, звонким и ласкающим голосом жаба, выскочив вперёд и присев на корточки рядом с Ангелиной. Девочка тут же отшатнулась, отпустив мамину ногу и с ужасом вытаращившись на эту огромную склизкую морду: - Ничего, сначала все пугаются, но ты к нам привыкнешь, даже подружишься!

Жаба вытянула вперёд руки для объятий, но девочка и не думала подходить.

- Никакого «Господи» тут нет! - вдруг резко осадил жабу высокого роста мужчина с изуродованным лицом. Голос его был таким же жестоким и неумолимым, как и глаза. Ангелина заметила, что абсолютно все присутствующие содрогнулись от его устрашающего возгласа. Он протянул девочке странную игрушку и улыбнулся, но вышло у него натянуто и совершенно неискренне: - Не беспокойся, мы были и на семилетии твоей драгоценной матери.

Ангелина шокированно устремила взгляд на маму, та на неё смотрела с еле заметной грустью, но, осознав, что все взоры устремились на неё, улыбнулась и поспешно закивала:

- Да, это чистая правда! Они приходили и ко мне, и ко всем нашим знакомым, которых ты знаешь. Как видишь, с нами всё хорошо.

- Именно, всё хорошо. Так, как и должно быть, - утвердительно кивнул мужчина, настырно всучив Ангелине в руки свой тяжёлый подарок: - Это бомба.

- Б-бомба?.. - Ангелина, как заворожённая, смотрела в искривлённое ужасом лицо голубоглазой куклы, чем-то на неё похожей. Она вспомнила страшные истории про войну, которые слышала от своего дедушки, которого теперь не было в живых. Бомбы взрывались и за секунды обрывали жизни десяткам солдат.

Ангелина выронила «подарок», тот с грохотом упал на пол и укатился под стол. Гости в ужасе вскрикнули и съёжились, испугавшись, что произойдёт взрыв. Но секунды шли, а в зале царила гробовая тишина. Все более-менее успокоились и выпрямились, улыбчиво переглядываясь. Голова куклы оторвалась прямо у ног сурового мужчины. Тот хладнокровно на неё посмотрел, усмехнулся и с искорками азарта в глазах взглянул на девочку исподлобья:

- Большой потенциал, только вручил тебе подарок, а ты нашла ему самое точное применение.

- Нет… - пролепетала Ангелина, не понимая, о чём конкретно говорит гость, но она заранее была с ним не согласна, потому что дико боялась. Рядом с ним у неё прерывалось дыхание, а сердце начинало стучать так, что даже мозги ощутимо пульсировали.

- Ну, дамочки, пустите ли вы нас за стол пировать?! - расхохотался жирный человек с лавровым венком на голове. Его глаза хитро поблёскивали: - Какой же праздник без обжорства, разве я не прав?!

- Да погоди ты, тебе лишь бы потреблять, а отдавать и не думаешь! - заулыбался во весь рот кривых жёлтых зубов толстяк поменьше с плавающим взглядом, который с трудом уцепился за Ангелину: - Подарки-то малышке подарить!

- Я чур первый! - противным голосом взвизгнул карлик на поводке, подбежав к перепуганной имениннице: - И так молчу дольше, чем обычно, уже мочи нет!

Он по-деловому разгладил свои лацканы, распахнул пиджак, и его глаза вдруг загорелись, как у ненормального. Он таращился на Ангелину, улыбаясь так, что аж щёки задрожали, и пронзительно закричал, да таким величавым тоном, что аж тошно было слушать:

- Любуйся, о дитя! Твоя первая «взрослая игрушка»! Выбирай любую, какую сама захочешь!

К обратной стороне его пиджака были прикреплены пистолеты и ножи. Ангелина не знала, как они все называются, да и никогда не хотела бы знать, но они все отличались по размеру и внешнему виду. Какие-то выглядели очень просто, а у каких-то рукоятки были украшены золотыми или красными узорами, иногда даже черепами или змеями. Ножи почти все были исписаны, не только рукояти, но и сами лезвия. На них были длинные или короткие фразы на неизвестном Ангелине языке. Только на одном ноже девочка смогла прочесть: «убей ближнего своего».

- Возлюби…

- Что?.. - опешил карлик, удивлённо захлопав глазами. Он проследил, куда смотрит Ангелина, задумчиво взял небольшой нож и одними губами прошептал то, что на нём было написано: - Ну, можно для начала и возлюбить, это не помешает потом убить…

- Нет, если любишь, никогда не убьёшь, - Ангелина упорно пыталась стоять на своём, но её голос дрожал.

Гости снова противно расхохотались, кроме нескольких: старика с палкой, жабы и человека с висячими ушами.

- Человек не умеет любить, - отрезал высокого роста мужчина со шрамами на лице: - Разве что дети до семи лет… Потом любовь исчезает.

- Нет, она не может просто так исчезнуть! - Ангелина чуть ли не плакала.

- Может. Ты сама выгонишь её из своего сердца. Люди страдают самовнушением. Да и «любимого» можно убить, если это во благо. Любовь бывает разная, например потребитель-

ская. Я люблю своих людей, но они погибают ради меня, этого я от них и жду. Истинно ли мы любим друг друга? Нет, конечно же, но без них я никто, о чём постоянно им говорю.

- Вы опошлили слово «любовь», истинная любовь не та, о которой вы говорите… Когда любишь, пользоваться не будешь...

- Сколько людей — столько и мнений, но все своё мнение считают истиной. Это не я так решил, это люди сами решили. Все хотят думать, что они ближе к правде, чем кто-либо другой. Кто-то вообще отвергает «истину», как понятие, считая, что каждое мнение правое, если оно просто существует и применяется. Но это не всегда так, конечно… Если твоё мнение правое, как и чьё-то чужое, то человек должен бы осознать, что одна вещь имеет много сторон, а он со своей-то еле общий язык находит, что говорить о многогранности? Люди диктуют, как жить другому, решив, что все созданы по ИХ подобию. Глубже заглянуть не всем под силу. Люди глупы и слепы даже по отношению к своему сердцу, да выпьем же за это, когда сядем за стол!

- Выпьем! - поддержал карлик, протягивая Ангелине нож: - Возьми, пусть он всегда напоминает тебе о нас и об этом разговоре!

Девочка оттолкнула руку карлика, из-за чего тот озлобился, скорчив такую страшную рожу, что Ангелина затряслась сильнее, сделав ещё несколько шагов назад. Мама девочки поспешно взяла подарок, положив его на круглый небольшой столик рядом с креслом:

- Спасибо, она очень благодарна!

- Надеюсь! - возмущённо вскрикнул уродец, сверля в Ангелине взглядом дырку: - Я очень не люблю, очень, когда меня не слушают, а тем более относятся с пренебрежением или отказываются от того, что я даю! Не зря же моё имя Пропаганда!

- Да, точно, мы же не представились, - цокнул языком мужчина со шрамами на лице, чуть склонив голову: - Моё имя — Война, - в его голосе, похожем на раскат грома, послышался свист, грохот, вопли и стоны страданий: - Пропаганда — это лишь часть моей необъятной личности, я выпускаю его, так как он мне больше всего нравится, но мы всё равно одно целое.

При этом Война дёрнул поводок. Карлик отлетел назад, еле удержавшись на ногах, но закряхтел и заскулил, как собачка, боготворящим взглядом наблюдая за своим хозяином.

«Теперь понятно, почему мама выслала тринадцать писем, а не четырнадцать. Лучше бы она их разорвала!».

- Прошу вас, присаживайтесь! - улыбчиво прищурилась мама, пригласив гостя сесть за стол.

- Благодарю, - учтиво наклонился мужчина, направившись к своему месту.

- Теперь точно моя очередь! - мужчина с животом, как у беременной женщины, вышел вперёд, но покачнулся и чуть не упал. Он упёрся рукой в пол, его лицо налилось кровью, он запыхтел и с трудом выпрямился. Порыскав в кармане своих нестираных брюк, он вытащил конфетку в рыжем фантике: - Держи, и будь благодарна даже за такие маленькие подарки! Для кого-то это может быть последним, что он с трудом оторвал от сердца! - мужчина говорил бессвязно и медленно, с мучительной физиономией подбирая правильно сочетающиеся слова, что у него получалось довольно плохо: - Так и, вот, знай, я отдал последнее своё! Ну, не совсем моё… У меня тоже есть дети… В общем, девочка, Ангелинка, вкуси сочный плод! - мужчина торжественно раскинул руки, подняв их над головой: - Твоя первая капля алкоголя, ведь эта конфетка с коньяком! А у меня на коньяк денег-то, сама понимаешь... Потом поймешь, точнее... Дорогое нынче удовольствие, совсем оборзели!

К кому он обратился, Ангелина не поняла, а на конфету посмотрела с пренебрежением:

- Не буду. Пить плохо.

- Ты хочешь сказать, что я плохой, правильно я тебя понимаю?.. - пробубнил мужчина, слегка нахмурившись и вытянув вперёд указательный палец: - Ты, Ангелинка, думай, прежде чем говорить! Хотя! Куда вам, бабам, думать?! Ты, конечно, права, алкоголь — это ещё та зараза, но разве я его придумал?.. Я — жертва! Не по своей воле я налёг на бутылку, знай это!

Я хороший человек, внутри... А то, что я делаю плохого, это делаю не я, а алкоголь во мне, две разные вещи, заруби себе на маленьком носу!

Ангелина тоже нахмурилась, но спорить в этот раз не стала. Она и не хотела, её вынуждали, детское сердце не выдерживало столько ударов разом. Над всеми её ценностями насмехались, плевали на них и пытались сломать. И всё это она выдерживает одна.

Именинница с надеждой посмотрела на маму, но та только взяла конфету у мужчины и положила её на стол к ножу, поблагодарив за щедрость.

- Присаживайтесь, Алкоголизм, сегодня у нас много разных напитков, коньяк в том числе.

- Ох, как приятно слышать, мадемуазель! - гость с довольной лыбой направился за стол.

- Давайте-ка я уже отдам подарок и присоединюсь к пирующим, а то ноги устали себя же держать, - засмеялся жирный гость, вперевалку подойдя к Ангелине. Та дышала ему в пупок, с удивлением и подсознательным отвращением наблюдая за дрыгающимися жировыми складками, которые с трудом можно было сосчитать: - Деточка, прививаю тебе любовь к деньгам! Это единственное, что должно тебя волновать в этом чёрством, безнравственном мире!

И толстяк, приподняв одну свою жировую складку на животе, совершенно неожиданно достал из-под неё звенящий мешочек, с трудом его раскрыл своими жирными пальцами и подал Ангелине. Девочка боязливо заглянула внутрь и увидела гору золотых, вычищенных до блеска монет.

Гость с искусанными губами и выпученными глазами не то крякнул, не то охнул, встав на мысочки и вытянувшись вперёд. Его зрачки расширились, ногти впились в кожу ладоней, а зубы до крови прикусили верхнюю губу:

- Как много! И вам не жалко?!

- Как же может быть жалко того, что изначально было не моим?! - противно расхохотался жирдяй.

- О, чудно-чудно! Может, поделитесь тогда, если вам не жалко чужого?.. - пучеглазый аж весь затрясся в волнительном предвкушении.

- Поделиться?! - возмущённо крякнул в свою очередь жирдяй: - Знай своё место, сопляк! Не ты отбирал чужое! Теперь оно по праву МОЁ, по моему личному праву! И мне, конечно же, немножко жалко, если мне не было бы жалко, разве вообще начинал бы я брать?! Только в такой знаменательный день, как этот, я с небольшим удовольствием вручаю такой щедрый подарок, взращиваю себе подобное, ведь это необходимо: заботиться о нашем будущем поколении!

Пучеглазый аж сгорбился, разочарованно опустив голову.

- Я не возьму, отдайте лучше ему, - отрицательно покачала головой Ангелина, указав пальцем на страдальца.

- О, какая щедрая! - в потрясении воскликнул пучеглазый. Он задумчиво уставился своими страшными глазами на девочку. Потом встряхнул головой, будто отмахиваясь от мухи, и заискивающе улыбнулся: - Больше бы таких кормильцев, к которым можно было бы присосаться, о милейшая маленькая леди!

- Как можно?! - возмутился жирдяй: - У тебя должен быть свой начальный капитал!

- У меня и так всё есть.

- Но нужно больше! - эта фраза громыхнула на весь дом. Ангелина съёжилась и вновь умоляюще посмотрела на маму.

Та снова взяла подарок сама, положила его на стол и раскланялась с толстяком, после чего он направился за стол. Стул под его весом жалобно взвыл, по ножке пошла трещина, а сиденье чуть опустилось к земле.

- Ой, совсем забыл, моё имя — Чревоугодие! - с трудом обернулся через плечо толстяк, хотя взглянуть на стоявших за спиной у него так и не вышло.

Следом решил выйти пучеглазый, так как он и так уже обратил на себя внимание.

Гость пристыженно опустил глаза в пол, ковыряя ногтем свои исцарапанные руки:

- Извините, маленькая леди, но я не смог купить вам подарок…

- Не мог он, конечно, знаю я вашу мужскую натуру! - пренебрежительно квакнула жаба, закатив глаза: - Цветочек в поле денег не стоит! Ты не «не мог», а просто не хотел, завистливая дрянь!

- Замолкни, ша!.. Жабья морда! - гаркнул на неё пучеглазый. Ангелина вжала голову в плечи, слушать это всё было уже просто невыносимо, а «вручателей» ещё очень много: - Я влез в небольшие долги… - мужчина при этом бросил взгляд на свои золотые браслеты и кольца с драгоценными камнями: - По ряду причин… - и его злые глазёнки метнулись в этот раз на смольного красавца: - Просто у одних есть ресурсы изначально, а у других нет!.. Вот, даже у вас, например, маленькая леди, такие большие хоромы и возможности! - пучеглазый с досадой обвёл взглядом роскошный зал и ворчливо добавил: - Зачем вам больше, что ещё надо?!

- Мои дедушка с бабушкой много работали ради этого дома, у них изначально было не так много… - попыталась разъяснить Ангелина, но пучеглазый аж затрясся от бешенства и заорал ей в лицо.

- Не надо мне тут сказки рассказывать! Знаю я ваши «немного»! Нельзя построить, если нет ничего, нельзя - и точка! Нельзя!

- У меня такое чувство, будто вы сами себя пытаетесь в этом убедить… - прошептала Ангелина, в её взгляде появилось сочувствие. Это так поразило пучеглазого, что он отшатнулся, кашлянул и пристыженно опустил голову.

- Извините, позволил себе лишнего… Пусть каждый останется при своём мнении, как ранее сказал Война… Истины мы с вами не знаем. Хотя, может, только я не знаю… Моё имя — Зависть.

И он, сгорбившись, в расстроенных чувствах поплёлся к столу. Мама проводила его недовольным взглядом, еле слышно прошептав:

- И его я собралась ещё и кормить… Ладно, для моей дочурки будет хорошим уроком.

Пол жутко заскрипел. Вперёд тяжёлой поступью вышел носорог. Его злые маленькие глаза вонзились в девочку и долго её рассматривали, как товар на рынке. Ангелине так и казалось, что он сейчас спросит у её матери: «Сколько стоит?».

«Я бесценна», - вспомнила слова мамы девочка, после чего ей стало немного спокойнее. Но на её огромное удивление, чудовище будто залезло в её голову и презрительно сморщилось.

- У всего есть цена. А если цены нет, значит, оно отдаётся даром, - его хриплый голос пробирал до мурашек, он выражал абсолютное презрение ко всему живому и дикую злобу.

- Мама не могла мне врать.

- Поверь, частенько родители в жизни ребёнка становятся главными лгунами, какой бы темы это ни касалось. Она соврала тебе, ибо ты ещё ребёнок, ведь у твоей матери тоже есть цена.

- Зачем ей мне врать?!

- Чтобы не разочаровалась в жизни, которую люди сами себе построили, став взрослыми. Понятие «человек» стёрлось, осталось три группы. К первой относятся дети, они считаются самыми важными. Ко второй - взрослые, они абсолютно нейтральны, на них всем плевать, как и им на самих себя. А третьи - старики, самые бесполезные члены общества. Кто бы что ни говорил, но это так. А я вообще людей не слушаю, ибо их речи мне не интересны, я оцениваю только физические способности. Никогда их не уважал и не буду. Они для меня инструмент и не более, не зря меня прозвали Садизмом. Ты выросла из детского возраста, чему я рад, ибо ты тоже стала инструментом. Скоро твои руки покроются мозолями.

- Нельзя… - по щекам Ангелины потекли слёзы, она сжала кулаки: - Нельзя указывать цену человеческой душе! И хватит всё сваливать на детскую наивность! Я понимаю лучше вашего!

Носорог зло сверкнул глазами и так топнул, что пол покрылся трещинами. Монстр взревел, и из его рта полетели слюни:

- Не повышай на меня голос! Слушайся тех, кто сильнее тебя! Твоя душа явно стоит меньше моей, так что не доводи до греха! Я установлю тебе цену, твоему телу, мозгу, органам! Тебе подобные, но с накинутыми годами, сами же сотрут в тебе веру в свою душу, ты перестанешь верить в то, что у тебя есть бесценные принципы! Общество укажет тебе на их цену!

Ангелина зарыдала, Садизм выхватил из-за пояса длинную плеть и резко вытянул руку в сторону Ангелининой матери, вручая ей подарок.

- Лупите её, взращивайте ненависть, в вашей дочери её мало! И давайте эту плеть ей как можно чаще, пусть отрывается хотя бы на собаках! Всем известно, что дитя, издевающееся над животными, потом становится беспощадным извергом.

Садизм отвернулся и тяжёлой поступью направился к столу. Ангелину трясло, она глотала слёзы и то и дело тёрла рукой нос, после чего вытирала её о платье.

- Ангелина, не порти наряд, сколько раз тебе говорить?! - прикрикнула на дочку мать, после чего Садизм одобрительно засмеялся.

- И закрепите урок плёткой!

Ангелина впервые сильно разозлилась на мать:

«Тебя только и интересует наряд! Твои гости портят всё, к чему прикоснётся их грязное слово, а ты и пальцем не шевельнёшь!».

Следом вышел долговязый мужчина с противными пятнами на руках. Его футболка с надписью «жизнь есть удовольствие» вроде бы и внушала доверие, но Ангелина за это короткое время вынесла для себя один из множества уроков, что внешнему виду верить нельзя. Не суди о книге по обложке и человека по одёжке.

Мужчина дрожащими руками и будто боязливо протянул имениннице чёрный потрёпанный чемоданчик, при этом нервно оглянувшись. Этот подарок Ангелина всё-таки приняла сама. Она положила его на пол и села рядом на колени. Чуть повозившись с замками, она откинула крышку и с удивлением уставилась на шприцы. Можно было бы подумать, что это набор доктора, но почему тогда внутри лежали одни уколы?

- Спасибо… А где другие медицинские инструменты?

- А я не лечу, - нервно усмехнулся мужчина, понизив голос до шёпота: - Разве что душу, хи… Эти шприцы помогают, когда плохо. Я помогаю людям стать счастливее, ты тоже помогай.

- Но уколы - это больно. Они помогают выздороветь, но если ты не лечишь, тогда для чего их колоть? - в недоумении спросила Ангелина.

- Но ведь они помогают не только больным физически, но и мне подобным, согласись, - мужчина подмигнул, но это было больше похоже на нервный тик: - Сразу начинаешь видеть всякое фантастическое: лошадок, разноцветные лужицы, небо…

Мужчина вдруг сильно вздрогнул, резко схватившись за плечо и нервно его потерев. Он судорожно вздохнул, беспокойно осмотревшись. Забыв про Ангелину, он дрожащими пальцами поправил на себе футболку, так что девочке в нос ударил тошнотворный запах пота.

- Я… Я скоро, - мужчина резко наклонился, испугав Ангелину, девочка вскрикнула и шарахнулась назад. Гость схватил один из шприцов прямо из чемоданчика и подлетел к маме Ангелины, выдыхая ей в лицо, так что у женщины волосы ходуном заходили. Проглатывая слова, он уточнил, с трудом переводя дух:

- Скажите, г-где уборная?! Ну, очень надо!

- Налево и прямо по коридору, вам покажут, - поспешно ответила мама, по её резко изменившемуся лицу было видно, что ей поплохело. Видимо, от мужчины несло не только запахом пота, но и нестерпимой вонью изо рта…

Мужчина умчался, поскальзываясь на ходу. Ангелина закрыла чемоданчик и отдала матери, думая, что в такую, как этот дяденька, превратиться не хочет. Не был он похож на счастливого, лгали его речи, выражение лица и надпись на футболке. Ангелина хорошо разбиралась в человеческих эмоциях, дяденька был скорее напуган и глубоко несчастен, только совсем не ясно, кому он лжёт: окружающим или самому себе?

- Его зовут Наркомания, Ангелиночка, - спешно пояснила мама, поправляя волосы: - Кто хочет быть следующим?

- Давайте я, - горделиво проскрипел старик лет семидесяти, неспешно и величаво выйдя вперёд. Он сверху вниз оглядел Ангелину пристальным взглядом. Хитрый прищур появился на его морщинистом лисьем лице. Сухие жилистые руки сжимали книгу и указку, пальцы скрючились таким образом, что стали похожи на когтистую лапу: - Красивая девочка. Будь благодарна за то, что я тебе сейчас великодушно преподнесу. Я, конечно, абсолютно уверен, что женщины - наиглупейшие создания, которые не могут рационально и логически мыслить, но ознакомиться с трудами мыслящих и умных людей никогда не вредно.

С этими словами он вытянул вперёд руку со старой книгой. На обложке было написано крупными красными буквами «Лжеистория». Ангелина нехотя взяла книгу, понимая, что от неё потребуют её раскрыть. Обуглившиеся пожелтевшие страницы с шуршанием перевернулись, они были абсолютно несгибаемы. Первое, что бросилось в глаза, это огромное количество цифр.

Ангелина без каких-либо эмоций листала книгу, пока тяжёлая указка не приземлилась между страницами:

- Вот! Вот этот абзац требует особого внимания! Смотри, это Великая война. Видишь проценты? Это два кружочка с палочкой… Потери врага составили двадцать пять процентов от общего населения. А наши? Прочти вслух.

- Пятьдесят…

- Именно! В два раза больше! В два раза больше геройства! И ведь мы победили в этой битве!

- Разве это не плохо, что погибло так много людей?..

- Женщина! - старик грубо ткнул указкой ей в руку: - Не лезь в те дела, в которых не смыслишь! Женщины и война очень далеки друг от друга!

- Не согласен, - подал голос Война, внимательно наблюдавший за церемонией вручения подарков: - Женщины приносят новую партию «пушечного мяса». К тому же, вспомни, сколько женщин работало в тылу. И сколько молитв слетало с их уст.

- Если в книге не написано, значит, такого не было! Буду я писать про «пушечное мясо», в моей-то книге! - зло прокряхтел старик, но на Войну глаз поднять не смел: - При всём уважении, но я твой верный соратник, Война, дай мне сказать слово.

Война сверкнул глазом, но промолчал, продолжив слушать.

- Так на чём мы?.. Ах, да! Знаешь, в чём заслуга этой книги?.. Что в ней нет и половины правды, но строчки моего детища у всех в головах!

- Не без моей помощи, конечно! - противным голосом взвизгнул Пропаганда.

Старик сжал челюсть. Повисла минутная тишина. Вздохнув, он продолжил ещё более раздражительно:

- Раз мне не дают сказать, то я освобожу место другим, НО! Запомни, девочка, пока ты будешь беспрекословно верить тому, что там написано, то никаких бед у тебя не будет!

- Без бед не бывает, мне так дедушка говорил.

- Дурак твой дедушка! Он должен был восхвалять Великую битву, раз ему выпала честь в ней участвовать! А он сопли распустил! Ну, допустим, беды есть, но тебя они не будут волновать, если будешь слушать книгу!

- Почему?

- Женщины только и могут вопросы задавать, ибо ни черта ни в чём не смыслят дальше порога дома! - рявкнул старик. Кисточка на его академической шапочке начала грозно раскачиваться: - Беды не будут тебя волновать, пока ты не суёшь в них нос! Незнание — главная защита нервной системы!

Ангелина нахмурилась и возразила:

- Они будут меня волновать, потому что я человек, а не бесчувственная масса. Если игнорировать проблемы, они не улетучатся. Я, когда не делаю домашнее задание, знаю, что завтра за него мне поставят двойку.

- Именно, несправедливость! Женщинам вообще школа не нужна, тогда и двоек не будет! Вот, триста лет назад без школы обходились, выполняли свою естественную природную функцию! А мужчины всем заправляли - сказка, а не жизнь!

- А женщины жить не должны?! - возмутилась Ангелина. Злой старик её очень раздражал, она не пыталась этого скрывать.

- Мужчины всё изобретают, придумывают, благоустраивают!

- И зачем они всё это делают, для кого? Зачем стараться благоустраивать жизнь, если она ограничивается только базовыми потребностями? Если женщины не живут, то им ничего этого и не нужно, по вашей же логике.

- Зачем?! Зачем живут?! - старик аж весь раздулся от ярости. Слюни полетели у него изо рта. Он колебался с ответом, но в итоге воскликнул: - Чтобы хотелки мужчин осуществлять!

Жаба в ужасе вскрикнула, всплеснув руками. Она наигранно рассмеялась:

- Что и требовалось доказать! Вам любовь не нужна, мужчинам надо лишь без усилий взять то, что хочется! А потом говорят, какие женщины чёрствые! И ведь всё это ты говоришь маленькому ребёнку!

Старик развернулся молниеносно, что его возрасту было несвойственно, и с разворота ударил жабу указкой по лицу. Та вскрикнула от боли и упала на колени. Ангелина зажмурилась и крепко сжала кулаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.